

ОГЛАВЛЕНИЕ

Пролог	
Перед самым рассветом	5
Часть 1. РОЖДЕННЫЙ УМЕРЕТЬ	9
1. Принц	10
2. Трусливый лев	36
3. Металл на губах	66
4. Сумерки в исправительном доме	100
5. Длинноволосые панки	130
6. Звонит тетя Джейн	160
7. Произведение искусства	192
Часть 2. ИСКУССТВО ТЬМЫ	221
8. Приди, сладкая смерть!	222
9. Зачерненный	254
10. Безумные девочки, быстрые машины и много наркотиков	282
11. Длинный черный лимузин	316
12. Заряженный	346
13. Монстр	376
14. Новый черный	410
Эпилог	
Большой	444
Алфавитный указатель	458
Положительные отзывы о Enter Night	463

ПРОЛОГ

Перед самым рассветом

Грязно-белый автобус катил по старой однополосной дороге. Тем паршивым серым утром было холодно; температура опустилась чуть ниже нуля. Конец сентября, но в Швеции, где летом солнце никогда не спит, ночи снова становились длиннее. Скоро наступит мрачный период в середине зимы, когда взлетит национальная статистика суицидов, а также потребление наркотиков и алкоголя – придут снега и круглосуточная темнота. Пока же дорога впереди была чистой. Да, холод и мгла, но дождя не было много дней, и земля под вращающимися колесами была сухой, как старые кости.

Бодрствовал только водитель, как он утверждал позже. Все остальные – четверо музыкантов группы, их тур-менеджер, трое техников для выступлений – спали на своих тонких деревянных кроватях, врезанных в стенки задней части автобуса, с картонными крышками над окнами, защищавшими от сквозняка. Английский автобус был не лучшим вариантом для ночных путешествий по неанглийским дорогам, где дорожное движение организовано с правой стороны, а не с левой. Водитель много раз ездил по этим дорогам, в отличие от группы, которую вез. Все всегда было по плану; и в этот раз должно было быть так же.

А потом случилось это.

О чем они позже спорили. И до сих пор спорят, четверть века спустя. **Был ли на дороге лед? Было достаточно холодно, но ведь дождя не было: ни снега, ни кусочков льда ни в один из предшествующих дней. Тогда, может быть, водитель уснул? Или он был пьян, или, возможно, под кайфом? Если так, то почему полиция, арестовавшая его на месте происшествия, потом отпустила, сняв все обвинения? Или что-то случилось с автобусом?** И снова криминалисты сказали «нет». Когда они осмотрели обломки, техническая сторона вопроса оказалась в порядке. Единственное, что кто-то

мог впоследствии знать точно: автобус перевернулся, когда вошел в легкий левый поворот. Первым это осознал водитель, сидящий с правой стороны, когда увидел, что автобус соскользнул с аварийной полосы в сторону гравия, насыпанного вдоль трассы, а правые колеса врезались в грязь.

Теперь уже совсем встревоженный, с широко открытыми глазами, водитель крутанул руль резко влево в попытке вернуть автобус на дорогу. На секунду ему показалось, что у него получилось. Но хвост автобуса занесло вправо, и огромные задние колеса сошли с дороги и прыгали по грязной обочине. Водитель в панике пытался взять ситуацию под контроль.

Безрезультатно. Люди в хвосте автобуса начали просыпаться, с криками падая со своих коек. Автобус накренился в сторону, в считанные секунды сделал полный разворот, и колеса остановились, как только тошнотворно врезались в бордюр на противоположной стороне дороги. Звук бьющегося стекла, снова крики и стоны, а затем ужасающий момент, когда автобус опрокинулся набок и ударился о землю с громopodobным треском.

Двое из девяти пассажиров лежали под кроватями, которые сложились друг на друга слева направо. Пятеро отделались небольшими травмами: сломанным пальцем ноги или еще чем-то, а один лежал мертвый, и его ноги торчали из-под заваленного автобуса. Водитель оказался везучим — лишь небольшие порезы и синяки.

Рассвет лежал у самого горизонта, но было все еще темно и так же пронизывающе холодно. Одним из первых, кто выбрался из-под обломков, был барабанщик: низкий, худощавый парнишка с длинными волосами чайного цвета. Он сорвался с места и побежал по дороге, сам не зная куда, просто подальше оттуда, настолько обезумевший, что не чувствовал боли в сломанном пальце ноги. Этот сообразительный молодой авантюрист привык ко многому, но такого никогда не видел.

Вслед за ним выбрался гитарный техник, гигант высотой шесть футов семь дюймов, выкарабкавшийся из переднего левого выхода, который теперь был люком в потолке, и стоял в одном белье, его спина горела от боли.

Из заднего запасного выхода вышел солист, высокий парень с растерянным видом, тоже в одних носках и белье; он орал и вопил, вне себя от гнева. Кашляя и крича, за ним следом шел гитарист: еще одна невысокая тощая и сухая фигура с большими

темными глазами, наполненными ночным небом и пеплом. Все шумели наперебой, никто не знал, что происходит, что делать и что будет дальше. Было все еще темно, промозгло, и к такому, чем бы это ни было, никто не был готов. Они лишь понимали, что все плохо, чертовски плохо.

К тому моменту, когда час спустя появился второй автобус, с остальной частью команды, и примчалась первая из семи машин «скорой помощи», только тур-менеджер, казалось, осознал, что произошло, и пребывал в таком шоке, что понятия не имел, как донести это до остальных. Донести мысль о том, что они оставят здесь одного из своих. Не кого-то случайного, а того, в ком они чувствовали источник своей удачи, кем дорожили больше чем друг другом, на кого всегда равнялись, даже когда подшучивали или пренебрегали его советом, кого ценили за чувство целостности, чувство правильного и неправильного, которое остальным всегда казалось немного чрезмерным просто потому, что молодые сопляки не всегда задумываются о правильности, скорее о том, что круче здесь и сейчас.

Темнота отступила, и серое рассветное небо размылось над их головами. **Они залезли в машины «скорой помощи» и уехали, еще не зная, что за спиной оставили не только свое прошлое, но и будущее. Единственный, кого они любили и делили между собой, гласно или негласно, до того самого момента, когда автобус врезался в невидимый кусок льда, а чертов водитель если и не спал, то был недостаточно бодр, чтобы следовать изгибу дороги; карта сокровищ, которая принадлежала им до тех пор, пока дьявол не взял все в свои руки и не изменил их жизни навсегда.** До того самого момента, пока Клифф Бертон, басист, ушедший на их глазах, не забрал с собой душу группы вместе с ее самым банальным за всю историю тяжелого металла названием: Metallica.

Часть 1

РОЖДЕННЫЙ УМЕРЕТЬ

1. ПРИНЦ

Так странно и неожиданно, что спустя столько лет я начал думать, а было ли все это на самом деле, или это своего рода ложные воспоминания, вызванные травмой. Но вид Ларса, прыгающего ко мне на костылях вниз по лестнице Hammersmith Odeon, до сих пор стоит перед глазами, несмотря на все эти дни, годы и жизни, которые прошли между нами.

Я не помню того концерта, кто и что это было, только момент, когда он на всей скорости соскочил со ступеней, окрикнув меня по имени:

«Эй, Мик, твою мать! Что происходит?»

Главный вход заперт, фанаты давно ушли, и я мог только предположить, что он просто тусовался на той же алкогольной вечеринке после концерта, где я тоже был, слоняясь по бару наверху до самого утра, а теперь искал такси. Но тогда я его не видел. И все же в том состоянии, в котором я находился в тот момент, мое поле зрения было ограничено, сжато до сморщенного острого кончика иглы. Это была первая вылазка после смерти моей матери за пару недель до этого. Она была моложе, чем я сейчас, когда ее сразил рак мозга, и концу, хоть он и был относительно внезапным, предшествовали абсолютно бесчеловечные обстоятельства, мучительные для нее и невыносимые для тех из нас, кто при этом присутствовал.

Через мгновение он уже был внизу, прямо у меня перед лицом. «Эй!» – сказал он. Я вопросительно кивнул в сторону костылей. «Мой палец», – сказал он, как будто это было настолько старой новостью, что даже не стоило упоминания. Должно быть, я выглядел озадаченным. «Я сломал его». Я уставился на него. «В аварии», – добавил он нетерпеливо.

Я привык к рок-звездам, даже к тем, кто еще не был популярен, таким, как Ларс, но которые думали, что ты знаешь все подробности

их рабочих будней и серьезно этим увлечен. Но все же... Сломанный палец? Авария? Какая авария?

Но ему это было совсем не интересно. Он только хотел знать: «Так ты был здесь с нами?».

И снова я был сбит с толку. Он сразу это прочитал. «Когда мы здесь выступали, ты, идиот!» А, теперь я понял. Metallica недавно отыграла в Hammersmith Odeon. Поскольку в последнее время я был их защитником в британской рок-прессе, Ларс небезосновательно ожидал, что я буду на первом появлении группы в качестве хедлайнера на престижном событии вроде этого. Ну конечно, меня там не было. Вместо этого я или дежурил в больнице, или ехал из больницы домой, или собирался в больницу. Или же я просто был в аду.

Но я тогда не знал, как выразить эти мысли словами. Я едва ли мог сказать это себе, не говоря уже о других. Мне было двадцать восемь, и мой мир одновременно сжался и расширился таким невероятным образом, что я только пытался это осознать. Ему было двадцать два, и его это мало интересовало. Все, что имело значение, — это Metallica, ты придурок!

«Нет, — сказал я, слишком истощенный, чтобы врать. — Хорошо прошло?»

«Что? — он взорвался. — Как прошло? Тебя что, там не было?» Он посмотрел на меня с разочарованием, смешанным со злостью и негодованием. «Это было чертовски хорошо! Ты пропустил суперофигительный концерт! Все было распродано, и фанаты обезумели!»

«О, — сказал я. — Это здорово. Жаль, что я пропустил это, чувак».

Он гневно смотрел мне в глаза. Рано повзрослевший ребенок, быстро превращающийся в полноценного мужчину, Ларс, возможно, слишком любил Metallica, любил то, что она давала ему, любил за свое отражение в зеркале, когда он смотрел на него достаточно долго, чтобы подумать о чем-то другом. Однако он не был глупым человеком, и в этот момент он, должно быть, понял по моему лицу, что происходит что-то еще, не что-то конкретное, но достаточное, чтобы простить мое преступление, хотя и недостаточное, чтобы о нем забыть, во всяком случае, не в обозримом будущем — потому он сменил тему и после неуместной шутки снова поковылял на костылях, все еще недовольный мной, но уже не настолько обиженный. Или я так себя утешал. Он и его сломанный палец.

Я смотрел, как он исчезал в ночи, сопровождаемый репортером, ищущим, кто бы их подбросил до дома или куда они собирались дальше.

«Авария, — подумал я. — Какая еще авария?»

Когда Джеймс Хэтфилд впервые встретил Ларса Ульриха, то сразу его разгадал. «Богатенький сынок», — сказал он. Знаете, такой типаж: у него есть все; единственный ребенок в семье, который не знает значения слова «нет». Он таким и был. Родившись в доме размером с замок в элегантном городке Хеллеруп, в самом модном районе коммуны Гентофте, в восточной Дании, Ларс Ульрих явился в этот мир во второй день Рождества, 1963 г. Будучи поздним рождественским подарком для бездетной пары, давно разменявшей третий десяток и по меркам того времени уже старой для рождения детей, Ларс стал особенным с первого дня жизни. И это мнение он быстро начнет разделять.

Его отец Торбен был ветераном большого тенниса, проведя более сотни матчей Кубка Дэвиса, во время которых он несколько раз приводил команду к финалу, и к тому же был полноправным членом послевоенного клуба богатеев. Его богемная мать Лоун занималась в основном тем, что старалась спустить вечно витающего в облаках мужа с небес на землю. Звезда эпохи любительского тенниса, которому было уже за сорок, но он все еще побеждал в матчах Большого шлема, когда перешел в профессионалы в конце 1960-х. Интересы Торбена, однако, не ограничивались только спортом. Из-за ограничения датских спортивных властей той эры любительского тенниса на участие в зарубежных соревнованиях всего 5–6 раз в году у него было время, чтобы также стать музыкальным обозревателем датской газеты Politiken, трубачом в нескольких джазовых ансамблях, а позже режиссером нескольких документальных фильмов и практикующим буддистом. Он был длинноволосым, с пышной бородой, похожий на Гэндальфа, чья одержимость фитнесом для тела и ума не прекратилась и после окончания спортивной карьеры. Как он вспоминал в интервью 2005 года: «Наверное, я играл в теннис по вечерам, ближе к ночи шел играть на трубе, а после поднимался к себе за газетой или чтобы написать обзор, затем я мог встретиться с кем-то из друзей и позавтракать, и возвращался к группе для репетиции к полудню, а на теннис шел к трем. А потом я внезапно понимал, что не спал три или четыре дня».

Его единственный сын вырастет окруженный этой круглосуточной энергией; его самые ранние детские воспоминания были пронизаны постоянными увлечениями отца и гиперактивным образом жизни.

«До того как я пошел в школу в семь лет, мы путешествовали по всему миру, — сказал мне Ларс в 2009-м. — Америка, Европа, в Австралии мы побывали пару раз... Мы провели зиму в Южной Африке, думаю, это был 66-й или 67-й». Его отец «выходил на Открытый чемпионат Австралии каждый год в январе. И это было в те дни, когда ты не просто запрыгивал в самолет: ты отправлялся в настоящее путешествие... мы проводили много времени в Париже и Лондоне, и других местах». Однако теннис был всего лишь «дневной работой». Дома «у нас повсюду были предметы искусства», атмосфера творчества и музыка. Будучи любителем джаза в те времена, когда Копенгаген был центром притяжения для современных джазовых музыкантов, Торбен играл на кларнете и саксофоне, и Ларс рос в доме, где его окружали звуки, как он позже вспоминал «Бена Вебстера, Сонни Роллинза, Декстера Гордона», каждый из которых провел значительное время в Дании. Таким образом, это была очень здоровая среда, и (мой отец) много писал об этом».

Спальня Ларса была напротив музыкальной библиотеки, где Торбен хранил свою коллекцию записей и откуда постоянно лился поток музыки. Нене Черри, дочь легенды саксофона Дона, и позже блестящая сольная певица, выросла в том же районе и была его другом детства. «Там было полно людей, которые просто тусовались, были типа разные ночные мероприятия: мы слушали джазовые записи, много Хендрикса, "Роллингов" и "Дорс", и Джанис Джоплин... То есть было много музыкантов, и писателей, и художников, и тому подобных вещей, которые крутились в доме, где я рос». «Помимо рока и джаза, — говорил Торбен, — Ларс был окружен индийской музыкой и всеми видами азиатской музыки, буддийскими песнопениями, классической музыкой. Его комната была напротив моей, где я всю ночь проигрывал записи, и иногда он даже мог слышать их во сне, так что я думаю, он мог многое почерпнуть из этих вещей, даже не осознавая этого».

Тесные связи Торбена с зарождающейся джазовой сценой в Дании привели к тому, что позднее Декстер Гордон стал крестным отцом Ларса. **Действительно, первое появление Ларса на профессиональной сцене было в возрасте девяти лет и ограничилось воплем в микрофон во время выступления Гордона в ночном клубе**

в Риме, куда его родители поехали на вечеринку после Открытого чемпионата Италии. «Как какая-то собака в состоянии буйного помешательства» — как его отец будет вспоминать позднее. Путешествия по миру дали Ларсу преимущество в языках; с малых лет он мог говорить на датском, английском, немецком и “на всех понемногу”. Это был походный образ жизни, который означал, что ему будет «всегда комфортно в пути». «С отцом я был в тех местах, куда мы даже с Metallica никогда не ездили». Это также дало мальчику чувство, что у него есть право, сверхуверенность в себе, которая означала, что ни одна закрытая дверь не останется таковой надолго. Ему даже в голову не приходило, что где-то его могут не ждать.

Несмотря на то что Ларс унаследует любовь отца к музыке и искусству, именно от матери Лоун он получит свои лидерские качества, которые ему так пригодятся в карьере в Metallica. Помимо того, что она заботилась о двух мужчинах, «моя мама определенно была организатором и своего рода деловым центром», — как он рассказывал мне в последнем интервью в 2009-м, бесчисленное по счету за историю нашего сотрудничества, длящегося уже более четверти века. «Я имею в виду, что мой отец даже не знал, какое было время суток, какой месяц, да даже какой год. Не знал, в какой стране находится. Он был одним из тех парней, которые каждую секунду чем-то поглощены (я говорю об этом в положительном ключе). А моя мама была поглощена заботой обо всех практических составляющих его жизни. Определенно своими организационными способностями я обязан моей маме».

В те ранние дни спорт был превыше всего. Отец самого Торбена тоже был звездой тенниса. Более двадцати лет он был исполнительным директором по рекламе, участвовал в семидесяти четырех матчах Кубка Дэвиса, прежде чем стал президентом Датской ассоциации тенниса. Почти неизбежно, хотя на него и не оказывали давления, от Ларса ждали, что он продолжит семейную традицию. Для Ларса, однако, теннис и любовь к музыке в конечном итоге совпали еще более значительным образом. В 1969 году, во время ежегодного семейного пребывания в Лондоне, построенного вокруг Уимблдона и отборочных чемпионатов в Истборне и Квинсе, пятилетний Ларс впервые попал на рок-концерт: знаменитое выступление Rolling Stones перед более 250 000-ной толпой в Гайд-парке. Он до сих пор хранит фото, сделанные его родителями. «Думаю, меня

несколько лет таскали на разные джазовые мероприятия, знаешь, во всякие местные джаз-клубы в Дании», — сказал мне Ларс. «Чаще всего, — говорил он, — в злачное место Ульрихов под названием Монмартр, которым Торбен помогал управлять. Но что касается рок-конcertов, выступление “69 Stones” было первым, это да». Его первой настоящей музыкальной любовью, однако, были звезды тяжелого рока начала 1970-х, такие как Uriah Heep, Status Quo, и в особенности Deep Purple, которых он увидел вживую на сцене, когда ему было всего девять. Друг Торбена Рей Мур, южноафриканский игрок в теннис, дал ему билеты на шоу, которое проводилось на том же стадионе, что и турнир. Когда его друг в последний момент отказался, он предложил свободный билет сыну Торбена. Они без преувеличений «снесли мне крышу!» — сказал Ларс. «Музыка так и крутилась у меня в голове дни, недели!» Он сразу же выпросил у Торбена альбом Deep Purple «Fireball». В этом Торбен, однако, не полностью его поддерживал. «Он говорил, что это примитивно, а барабанщик слишком белый», — вспоминал Ларс. Но отца не слушал. «У меня очень увлекающийся тип личности, — как он будет позже вспоминать. — Когда мне было девять, это были только Deep Purple». Повзрослев, он даже стал следить за группой. «Я проводил все время у их отеля в Копенгагене, ожидая, что Ричи Блэкмор выйдет и я смогу следовать за ним по улице». Когда спустя тридцать лет я спрашиваю взрослого мужчину, отца троих детей, какой у него любимый альбом, он не сомневается ни секунды. «Самый любимый альбом всех времен — это все еще Made in Japan, двойная живая запись Purple 1972 года». **Первым шоу, на которое у него были билеты в первый ряд, были Status Quo в концертном зале «Тиволи» в Копенгагене в 1975 году, которое он позже будет называть «немного шокирующим». Ему было одиннадцать, и все, о чем он мог думать, — это как он туда попал.** «Как я пробрался так близко? Собирались ли те пьяные, что приехали из Швеции, меня избить, или, что еще хуже, кого-то из них могло стошнить прямо на меня?» Стоя так близко к сцене, Ларс едва ли мог видеть группу, которая была всего в футах от него. Фронтмен Фрэнсис Росси «выглядел как Господь рока, в нем было больше десяти футов роста, пять из которых занимали длинные волосы, и его гитара «Телекастер» была похожа на оружие, способное надрать всем задницу».

Он начал зависать в самом известном в Копенгагене магазине пластинок, специализирующемся на альбомах, Священном Граале,

где «работал парень, который был для меня героем»; он «знакомил меня с менее известными рок-артистами, такими как Judas Priest, Thin Lizzy и UFO». Ларс фантазировал, что у него как будто есть своя рок-команда, записывал названия песен и заголовки альбомов в старые школьные тетради и жил в своем воображаемом мире рок-звезды. Рок-музыка стала той частью его жизни, которой подросток, становящийся все более независимым, не чувствовал необходимости делиться с родителями. Это также обеспечило компанию одинокому ребенку, пребывающему в постоянных разъездах, окруженному добродушными «дядюшками» и «тетушками» из мира тенниса и привыкшему к тому, что в доме постоянно были взрослые с тонким художественным вкусом, которые позволяли ему поступать по своему усмотрению. Как позже Ларс сказал писателю Дэвиду Фрике: «С этой точки зрения, это было довольно открытое воспитание». Однако это означало, что он как-то должен был сам заботиться о себе в этой божественной атмосфере. **«Я должен был сам просыпаться по утрам и ехать на велосипеде в школу. Я вставал в 7:30, спускался на первый этаж; входная дверь была открыта: на кухне и в гостиной стояло шестьсот бутылок пива, и в доме не было никого. Свечи все еще горели. Тогда я закрывал двери, готовил завтрак и шел в школу. Я возвращался домой и должен был разбудить родителей...».** **И хотя это сделало его «очень независимым», он часто чувствовал себя одиноким. «Что касается моих родителей, я мог ходить на Black Sabbath по двенадцать раз в день. Но я должен был сам найти на это деньги, разнося газеты или что-то еще, чтобы купить билеты. И я должен был придумать, как попасть на концерт и вернуться домой».** Страсть к громкому, тяжелому року — музыке, которая как нельзя лучше подходила его общительной, притягивающей к себе индивидуальности, — продолжилась в подростковые годы, и хотя будущее его было по-прежнему связано с теннисным кортом, благодаря которому его отец стал известен, эта приверженность начинала понемногу угасать. Процесс ускорился, когда в возрасте 13 лет бабушка купила ему первую ударную установку, и не просто набор для новичка: это была Ludwig, золотой стандарт в рок-кругах.

Однажды я спросил его, почему очевидный фронтмен группы оказался позади сцены в качестве барабанщика, учитывая его неумный темперамент экстраверта, а кто-то даже скажет, его чрезмерное желание быть рупором Metallica. «Ну, есть только одна проблема, — сдавленно засмеялся он. — Я бы не смог [петь]. Я имею в